

ХАРЬКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ГУБЕРНСКАЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѣНА:

На годъ.	На 1/4 г.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки и пересылки	8 р. 50 к.	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Съ доставкою на дому	9 " "	6 " "	4 " "
Съ пересылкою	10 " 20 "	6 " 60 "	4 " 20 "

(1, 40, 1, 40, 1, 40, 1, 40)

Цѣна отдельного номера въ конторѣ редакціи 10 коп. Подпись принимается: а) въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, въ Конномъ переулкѣ, въ дому Тихонова, и б) въ квартирахъ гг. исправниковъ и столовыхъ приставовъ Харьковской губерніи.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:

Харьковская губернская типографія вызываетъ опытныхъ людей для работы на скропечатныхъ машинахъ типографіи.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ напечатанъ

следующій именной списокъ офицеровъ

9-го армейского корпуса, убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ въ сраженіи

подъ крепостью Никополемъ, 3-го июля:

Въ 18-мъ пѣхотномъ вологодскомъ полку:

ранены: командиръ полка, подполковникъ Баронъ Соловьевъ; капитанъ Плюшевъ;

командиры: 1-й роты, поручикъ Семинъ;

7-й роты, штабсъ-капитанъ Самсонъ;

8-й роты, капитанъ Рогалевъ;

9-й роты, штабсъ-капитанъ Дащевъ;

10-й роты, поручикъ Хороменъ; 11-й

роты, штабсъ-капитанъ Савинъ;

12-й роты, штабсъ-капитанъ Домоничъ;

и 1-й стрѣлковой роты, капитанъ Давыдовъ.

3. Костромскаго пѣхотного полка: начальникъ стрѣлковъ, маіоръ Степанъ;

командиры: 1-й роты, поручикъ Григорьевъ;

2-й—поручикъ Бѣльский;

3-й—поручикъ Анизовъ;

4-й—поручикъ Ниловъ;

5-й—поручикъ Тимофеевъ;

6-й—поручикъ Григорьевъ;

7-й—поручикъ Григорьевъ;

8-й—поручикъ Григорьевъ;

9-й—поручикъ Григорьевъ;

10-й—поручикъ Григорьевъ;

11-й—поручикъ Григорьевъ;

12-й—поручикъ Григорьевъ;

13-й—поручикъ Григорьевъ;

14-й—поручикъ Григорьевъ;

15-й—поручикъ Григорьевъ;

16-й—поручикъ Григорьевъ;

17-й—поручикъ Григорьевъ;

18-й—поручикъ Григорьевъ;

19-й—поручикъ Григорьевъ;

20-й—поручикъ Григорьевъ;

21-й—поручикъ Григорьевъ;

22-й—поручикъ Григорьевъ;

23-й—поручикъ Григорьевъ;

24-й—поручикъ Григорьевъ;

25-й—поручикъ Григорьевъ;

26-й—поручикъ Григорьевъ;

27-й—поручикъ Григорьевъ;

28-й—поручикъ Григорьевъ;

29-й—поручикъ Григорьевъ;

30-й—поручикъ Григорьевъ;

31-й—поручикъ Григорьевъ;

32-й—поручикъ Григорьевъ;

33-й—поручикъ Григорьевъ;

34-й—поручикъ Григорьевъ;

35-й—поручикъ Григорьевъ;

36-й—поручикъ Григорьевъ;

37-й—поручикъ Григорьевъ;

38-й—поручикъ Григорьевъ;

39-й—поручикъ Григорьевъ;

40-й—поручикъ Григорьевъ;

41-й—поручикъ Григорьевъ;

42-й—поручикъ Григорьевъ;

43-й—поручикъ Григорьевъ;

44-й—поручикъ Григорьевъ;

45-й—поручикъ Григорьевъ;

46-й—поручикъ Григорьевъ;

47-й—поручикъ Григорьевъ;

48-й—поручикъ Григорьевъ;

49-й—поручикъ Григорьевъ;

50-й—поручикъ Григорьевъ;

51-й—поручикъ Григорьевъ;

52-й—поручикъ Григорьевъ;

53-й—поручикъ Григорьевъ;

54-й—поручикъ Григорьевъ;

55-й—поручикъ Григорьевъ;

56-й—поручикъ Григорьевъ;

57-й—поручикъ Григорьевъ;

58-й—поручикъ Григорьевъ;

59-й—поручикъ Григорьевъ;

60-й—поручикъ Григорьевъ;

61-й—поручикъ Григорьевъ;

62-й—поручикъ Григорьевъ;

63-й—поручикъ Григорьевъ;

64-й—поручикъ Григорьевъ;

65-й—поручикъ Григорьевъ;

66-й—поручикъ Григорьевъ;

67-й—поручикъ Григорьевъ;

68-й—поручикъ Григорьевъ;

69-й—поручикъ Григорьевъ;

70-й—поручикъ Григорьевъ;

71-й—поручикъ Григорьевъ;

72-й—поручикъ Григорьевъ;

73-й—поручикъ Григорьевъ;

74-й—поручикъ Григорьевъ;

75-й—поручикъ Григорьевъ;

76-й—поручикъ Григорьевъ;

77-й—поручикъ Григорьевъ;

78-й—поручикъ Григорьевъ;

79-й—поручикъ Григорьевъ;

80-й—поручикъ Григорьевъ;

81-й—поручикъ Григорьевъ;

82-й—поручикъ Григорьевъ;

83-й—поручикъ Григорьевъ;

84-й—поручикъ Григорьевъ;

85-й—поручикъ Григорьевъ;

86-й—поручикъ Григорьевъ;

87-й—поручикъ Григорьевъ;

88-й—поручикъ Григорьевъ;

89-й—поручикъ Григорьевъ;

90-й—поручикъ Григорьевъ;

91-й—поручикъ Григорьевъ;

92-й—поручикъ Григорьевъ;

93-й—поручикъ Григорьевъ;

94-й—поручикъ Григорьевъ;

95-й—поручикъ Григорьевъ;

96-й—поручикъ Григорьевъ;

97-й—поручикъ Григорьевъ;

98-й—поручикъ Григорьевъ;

99-й—поручикъ Григорьевъ;

100-й—поручикъ Григорьевъ;

101-й—поручикъ Григорьевъ;

102-й—поручикъ Григорьевъ;

103-й—поручикъ Григорьевъ;

104-й—поручикъ Григорьевъ;

105-й—поручикъ Григорьевъ;

106-й—поручикъ Григорьевъ;

107-й—поручикъ Григорьевъ;

108-й—поручикъ Григорьевъ;

109-й—поручикъ Григорьевъ;

110-й—поручикъ Григорьевъ;

111-й—поручикъ Григорьевъ;

112-й—поручикъ Григорьевъ;

113-й—поручикъ Григорьевъ;

114-й—поручикъ Григорьевъ;

115-й—поручикъ Григорьевъ;

116-й—поручикъ Григорьевъ;

117-й—поручикъ Григорьевъ;

118-й—поручикъ Григорьевъ;

119-й—поручикъ Григорьевъ;

120-й—поручикъ Григорьевъ;

121-й—поручикъ Григорьевъ;

122-й—поручикъ

непр. тело. Хотя русские и видели, что силы их недостаточны для отражения неприятеля, но так как последний был еще довольно далеко, то они наились, атаковав его, дать населению время спасности бегством. Жители посыпали воскользнувшись этим. Но что это было за бегство! Каждый думал лишь о собственной жизни. Огни и матери захватили собою лишь грудных детей и заставили все кинулось без оглядки бежать. Таким образом родители были разлучены с детьми, жузы с женами, браты с сестрами и никто не оказал другу другу помощи. Некоторые имели мужество взяться за оружие, но у большинства не хватило такой решимости. Многие, может быть, избежали бы резни, если бы оказано было какое либо правильное сопротивление; но так как все обратились в беспорядочное бегство, то сопротивление отдельных лиц могло лишь вызвать ярость врага. Въ то время какъ съ одной стороны казаки дрались съ чечесами и старались прикрыть отступление болгар, съ другой стороны ворвались въ городъ башни-бузаки и окружили жителей прежде, чѣмъ они успѣли спастись. Кровожадность башни-бузаковъ не знала предѣловъ: мужчины, женщины, дети — все пали отъ нихъ пуль и ястаганъ; одни отрубали голову, другие разрывали живыты. Башни-бузаки занимались не только убийствомъ, но и грабежомъ: они разрывали позы убитыхъ и если не находили тамъ денегъ, то набрасывались съ новой яростью на трупы. Однажды учителъ бѣжалъ изъ города, держа въ рукахъ своего ребенка Черкесъ съ дваждыюю звонкою звѣздой на груди ребенка, а отца пустилъ бѣжать далѣе. Несчастный прибылъ сюда въ состояніи блѣдомъ къ умопомѣшательству. Во времена происходившей на улицахъ рѣзни вдругъ раздался колокольный звонъ. Многие, покинувшие уже городъ и находившіеся на большой дорогѣ, не занятой турками, вообразили, что колокольный звонъ означаетъ побѣду русскихъ и изгнаніе неприятеля. Они приставились бѣжать и направились къ городу. Но какое ужасное разочарование! Башни-бузаки заняли церкви и начали звонить, жалѣя устроить бѣглакамъ ловушку. Вмѣстѣ съ чечесами и прибывшими въ это время турецкою пѣхотою они начали стрѣлять въ бѣгущихъ болгар и уродовать павшихъ, кась раненыхъ тѣль и убитыхъ. Шагъ за шагомъ отступали казаки, и немногіе бѣглецы, прибывши сюда, уѣбрались, что можно было спасти лишь по той дорогѣ, которую прикрывали казаки. Всакій, имѣвшій случай бѣсѣдовать съ несчастными бѣглаками, не можетъ сомнѣваться, въ томъ, что они говорятъ истину. Ни однѣ изъ нихъ не могъ говорить съзно; женщины падали въ обморокъ, когда начиналась рѣчъ о событіяхъ въ Ловѣ; дѣти плакали; видѣнія мною сцены никогда не изгладятся изъ моей памяти".

Изъ Казанимы пишутъ Русскому отъ 15-го юла, о дѣлѣ подъ "Уфланіемъ".

Утромъ 4-го юла наше отрядъ выступилъ съ ханикайской позиціи двумя колоннами. Въ первой колоннѣ шли стрѣлковые 4 батальона, дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ казачьихъ баттарей и пластуновъ; въ лѣвой вся кавалерія съ конно-артиллерійской баттареей. У ханикайского прохода оставление были дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ горныхъ баттарей и полкъ казаковъ. Я присоединился къ конно-штурмовому дивизіону, который шелъ въ авангардѣ правой колонны.

Съ момента оставления пами ханикайского прохода положеніе отряда становилось чрезвычайно серьезнымъ, ибо мы оставляемъ за собой единственную цѣлью отступленіе; займи его турки, — и наше могли бы истребить всѣхъ до одного. Но когда вѣрхомъ съ хорошими товарищами, когда свѣжее утро охватываетъ вѣсъ пріятной прохладой, объ опасности думашъ мало, и мы всесоюзники болтали, подвигаясь по дорогѣ къ деревнѣ Уфлани. Не успѣли мы проѣхать и двухъ верстъ, какъ бѣгущіе впереди разъѣзди пристоянись и на горизонтъ, у деревень, показались башни-бузаки. Авантгардъ шелъ довольно ходко; мы сѣдѣли остановку, послали къ начальнику отряда уѣздомъ о позиціи неприятеля. Полусотня донскихъ казаковъ флагель-адъютанта барона Розенса тихо подвигалась цѣлью къ башни-бузакамъ, которые гарцевали около деревни, двигались вправо, влево, по близкому не подѣльши. И выѣхалъ въ цѣль казаковъ, чтобы набросать съ натуры скватку кавалеристовъ и сѣѣть съ лошади, чтобы сѣѣть кроки мѣстности. Цѣль казаковъ растиналась версты на полторы и передъ деревней загнулась назадъ къ сторонѣ нашего приближающагося отряда. Мы составляли самыи правыи флангъ цѣли; прямо противъ насъ, шагахъ въ ста, начинался крѣпкий кустарникъ, который густо покрывалъ подножіе Балканъ, высившихъ справа. На лѣвомъ флангѣ раздалась сперва одинъ выстрелъ, потомъ другой; мы предположили, что турки засѣли въ деревнѣ, тѣмъ болѣе, чѣмъ послѣ второго выстрѣла, стоявший около деревни турецкій всадникъ сорвался въ пескалью прямо въ деревню. И спокойно набрасывалъ въ своей записной книжкѣ, какъ вдругъ изъ кустовъ, бѣгущихъ прямо противъ насъ затрещали выстрѣлы. Ка-

заки встрепенулись и подались назадъ, "Отступай тихо, отстрѣливайся!" — крикнулъ Розенъ, по казаки и не думали отстрѣливаться, а отступали довольно поспѣшно. Я взялъ свою лошадь у державшаго ее казака и хотѣлъ уже сѣсть на нее; но съ нею сѣдалось что-то необыкновенное, она ржалъ, верглась и подпрыгнула на дыбы, таща меня за собой въ поводьяхъ. Въ рѣбѣ съ нею сильно уломила меза; въ это время бинокль мой выскоцилъ изъ незастегнутаго футляра, и хотѣлъ наклониться, чтобы поднять его и не удержалъ — выпустилъ подъ лошадь рванулъ и помчалась прямо на отрядъ, а я остался одинъ передъ турками, и притомъ въ бѣлой бѣзѣ и белой шапкѣ. Они и занялись специальнѣ мною. Оглизнулся назадъ — конно-штурмовой дивизіонъ далеко и заставили съюзниковъ лишь грудныхъ дѣтей и заставили все кинулось безъ оглядки бѣжать. Такимъ образомъ родители были разлучены съ детьми, жузы съ женами, браты съ сестрами и никто не оказалъ другу другу помощи. Нѣкоторые имѣли мужество взяться за оружие, но у большинства не хватило такой решимости. Многіе, можетъ быть, избѣжали бы рѣзни, если бы оказано было какое либо правильное сопротивление; но такъ какъ все обратились въ беспорядочное бѣгство, то сопротивление отдельныхъ лицъ могло лишь вызвать ярость врага. Въ то время какъ съ одной стороны казаки дрались съ чечесами и старались прикрыть отступление болгар, съ другой стороны ворвались въ городъ башни-бузаки и окружили жителей прежде, чѣмъ они успѣли спастись. Кровожадность башни-бузаковъ не знала предѣловъ: мужчины, женщины, дети — все пали отъ нихъ пуль и ястаганъ; одни отрубали голову, другие разрывали живыты. Башни-бузаки занимались не только убийствомъ, но и грабежомъ: они разрывали позы убитыхъ и если не находили тамъ денегъ, то набрасывались съ новой яростью на трупы. Однажды учителъ бѣжалъ изъ города, держа въ рукахъ своего ребенка Черкесъ съ дваждыюю звонкою звѣздой на груди ребенка, а отца пустилъ бѣжать далѣе. Несчастный прибылъ сюда въ состояніи блѣдомъ къ умопомѣшательству. Во времена происходившей на улицахъ рѣзни вдругъ раздался колокольный звонъ. Многіе, покинувшие уже городъ и находившіеся на большой дорогѣ, не занятой турками, вообразили, что колокольный звонъ означаетъ побѣду русскихъ и изгнаніе неприятеля. Они приставились бѣжать и направились къ городу. Но какое ужасное разочарование! Башни-бузаки заняли церкви и начали звонить, жалѣя устроить бѣглакамъ ловушку. Вмѣстѣ съ чечесами и прибывшими въ это время турецкою пѣхотою они начали стрѣлять въ бѣгущихъ болгар и уродовать павшихъ, кась раненыхъ тѣль и убитыхъ. Шагъ за шагомъ отступали казаки, и немногіе бѣглецы, прибывши сюда, уѣбрались, что можно было спасти лишь по той дорогѣ, которую прикрывали казаки. Всакій, имѣвшій случай бѣсѣдовать съ несчастными бѣглаками, не можетъ сомнѣваться, въ томъ, что они говорятъ истину. Ни однѣ изъ нихъ не могъ говорить съзно; женщины падали въ обморокъ, когда начиналась рѣчъ о событіяхъ въ Ловѣ; дѣти плакали; видѣнія мною сцены никогда не изгладятся изъ моей памяти".

Изъ Казанимы пишутъ Русскому отъ 15-го юла, о дѣлѣ подъ "Уфланіемъ".

Утромъ 4-го юла наше отрядъ выступилъ съ ханикайской позиціи двумя колоннами. Въ первой колоннѣ шли стрѣлковые 4 батальона, дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ казачьихъ баттарей и пластуновъ; въ лѣвой вся кавалерія съ конно-артиллерійской баттареей. У ханикайского прохода оставление были дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ горныхъ баттарей и полкъ казаковъ. Я присоединился къ конно-штурмовому дивизіону, который шелъ въ авангардѣ правой колонны.

Заки встрепенулись и подались назадъ, "Отступай тихо, отстрѣливайся!" — крикнулъ Розенъ, по казаки и не думали отстрѣливаться, а отступали довольно поспѣшно. Я взялъ свою лошадь у державшаго ее казака и хотѣлъ уже сѣсть на нее; но съ нею сѣдалось что-то необыкновенное, она ржалъ, верглась и подпрыгнула на дыбы, таща меня за собой въ поводьяхъ. Въ рѣбѣ съ нею сильно уломила меза; въ это время бинокль мой выскоцилъ изъ незастегнутаго футляра, и хотѣлъ наклониться, чтобы поднять его и не удержалъ — выпустилъ подъ лошадь рванулъ и помчалась прямо на отрядъ, а я остался одинъ передъ турками, и притомъ въ бѣлой бѣзѣ и белой шапкѣ. Они и занялись специальнѣ мною. Оглизнулся назадъ — конно-штурмовой дивизіонъ далеко и заставили съюзниковъ лишь грудныхъ дѣтей и заставили все кинулось безъ оглядки бѣжать. Такимъ образомъ родители были разлучены съ детьми, жузы съ женами, браты съ сестрами и никто не оказалъ другу другу помощи. Нѣкоторые имѣли мужество взяться за оружие, но у большинства не хватило такой решимости. Многіе, можетъ быть, избѣжали бы рѣзни, если бы оказано было какое либо правильное сопротивление; но такъ какъ все обратились въ беспорядочное бѣгство, то сопротивление отдельныхъ лицъ могло лишь вызвать ярость врага. Въ то время какъ съ одной стороны казаки дрались съ чечесами и старались прикрыть отступление болгар, съ другой стороны ворвались въ городъ башни-бузаки и окружили жителей прежде, чѣмъ они успѣли спастись. Кровожадность башни-бузаковъ не знала предѣловъ: мужчины, женщины, дети — все пали отъ нихъ пуль и ястаганъ; одни отрубали голову, другие разрывали живыты. Башни-бузаки занимались не только убийствомъ, но и грабежомъ: они разрывали позы убитыхъ и если не находили тамъ денегъ, то набрасывались съ новой яростью на трупы. Однажды учителъ бѣжалъ изъ города, держа въ рукахъ своего ребенка Черкесъ съ дваждыюю звонкою звѣздой на груди ребенка, а отца пустилъ бѣжать далѣе. Несчастный прибылъ сюда въ состояніи блѣдомъ къ умопомѣшательству. Во времена происходившей на улицахъ рѣзни вдругъ раздался колокольный звонъ. Многіе, покинувшие уже городъ и находившіеся на большой дорогѣ, не занятой турками, вообразили, что колокольный звонъ означаетъ побѣду русскихъ и изгнаніе неприятеля. Они приставились бѣжать и направились къ городу. Но какое ужасное разочарование! Башни-бузаки заняли церкви и начали звонить, жалѣя устроить бѣглакамъ ловушку. Вмѣстѣ съ чечесами и прибывшими въ это время турецкою пѣхотою они начали стрѣлять въ бѣгущихъ болгар и уродовать павшихъ, кась раненыхъ тѣль и убитыхъ. Шагъ за шагомъ отступали казаки, и немногіе бѣглецы, прибывши сюда, уѣбрались, что можно было спасти лишь по той дорогѣ, которую прикрывали казаки. Всакій, имѣвшій случай бѣсѣдовать съ несчастными бѣглаками, не можетъ сомнѣваться, въ томъ, что они говорятъ истину. Ни однѣ изъ нихъ не могъ говорить съзно; женщины падали въ обморокъ, когда начиналась рѣчъ о событіяхъ въ Ловѣ; дѣти плакали; видѣнія мною сцены никогда не изгладятся изъ моей памяти".

Изъ Казанимы пишутъ Русскому отъ 15-го юла, о дѣлѣ подъ "Уфланіемъ".

Утромъ 4-го юла наше отрядъ выступилъ съ ханикайской позиціи двумя колоннами. Въ первой колоннѣ шли стрѣлковые 4 батальона, дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ казачьихъ баттарей и пластуновъ; въ лѣвой вся кавалерія съ конно-артиллерійской баттареей. У ханикайского прохода оставление были дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ горныхъ баттарей и полкъ казаковъ. Я присоединился къ конно-штурмовому дивизіону, который шелъ въ авангардѣ правой колонны.

Заки встрепенулись и подались назадъ, "Отступай тихо, отстрѣливайся!" — крикнулъ Розенъ, по казаки и не думали отстрѣливаться, а отступали довольно поспѣшно. Я взялъ свою лошадь у державшаго ее казака и хотѣлъ уже сѣсть на нее; но съ нею сѣдалось что-то необыкновенное, она ржалъ, верглась и подпрыгнула на дыбы, таща меня за собой въ поводьяхъ. Въ рѣбѣ съ нею сильно уломила меза; въ это время бинокль мой выскоцилъ изъ незастегнутаго футляра, и хотѣлъ наклониться, чтобы поднять его и не удержалъ — выпустилъ подъ лошадь рванулъ и помчалась прямо на отрядъ, а я остался одинъ передъ турками, и притомъ въ бѣлой бѣзѣ и белой шапкѣ. Они и занялись специальнѣ мною. Оглизнулся назадъ — конно-штурмовой дивизіонъ далеко и заставили съюзниковъ лишь грудныхъ дѣтей и заставили все кинулось безъ оглядки бѣжать. Такимъ образомъ родители были разлучены съ детьми, жузы съ женами, браты съ сестрами и никто не оказалъ другу другу помощи. Нѣкоторые имѣли мужество взяться за оружие, но у большинства не хватило такой решимости. Многіе, можетъ быть, избѣжали бы рѣзни, если бы оказано было какое либо правильное сопротивление; но такъ какъ все обратились въ беспорядочное бѣгство, то сопротивление отдельныхъ лицъ могло лишь вызвать ярость врага. Въ то время какъ съ одной стороны казаки дрались съ чечесами и старались прикрыть отступление болгар, съ другой стороны ворвались въ городъ башни-бузаки и окружили жителей прежде, чѣмъ они успѣли спастись. Кровожадность башни-бузаковъ не знала предѣловъ: мужчины, женщины, дети — все пали отъ нихъ пуль и ястаганъ; одни отрубали голову, другие разрывали живыты. Башни-бузаки занимались не только убийствомъ, но и грабежомъ: они разрывали позы убитыхъ и если не находили тамъ денегъ, то набрасывались съ новой яростью на трупы. Однажды учителъ бѣжалъ изъ города, держа въ рукахъ своего ребенка Черкесъ съ дваждыюю звонкою звѣздой на груди ребенка, а отца пустилъ бѣжать далѣе. Несчастный прибылъ сюда въ состояніи блѣдомъ къ умопомѣшательству. Во времена происходившей на улицахъ рѣзни вдругъ раздался колокольный звонъ. Многіе, покинувшие уже городъ и находившіеся на большой дорогѣ, не занятой турками, вообразили, что колокольный звонъ означаетъ побѣду русскихъ и изгнаніе неприятеля. Они приставились бѣжать и направились къ городу. Но какое ужасное разочарование! Башни-бузаки заняли церкви и начали звонить, жалѣя устроить бѣглакамъ ловушку. Вмѣстѣ съ чечесами и прибывшими въ это время турецкою пѣхотою они начали стрѣлять въ бѣгущихъ болгар и уродовать павшихъ, кась раненыхъ тѣль и убитыхъ. Шагъ за шагомъ отступали казаки, и немногіе бѣглецы, прибывши сюда, уѣбрались, что можно было спасти лишь по той дорогѣ, которую прикрывали казаки. Всакій, имѣвшій случай бѣсѣдовать съ несчастными бѣглаками, не можетъ сомнѣваться, въ томъ, что они говорятъ истину. Ни однѣ изъ нихъ не могъ говорить съзно; женщины падали въ обморокъ, когда начиналась рѣчъ о событіяхъ въ Ловѣ; дѣти плакали; видѣнія мною сцены никогда не изгладятся изъ моей памяти".

Изъ Казанимы пишутъ Русскому отъ 15-го юла, о дѣлѣ подъ "Уфланіемъ".

Утромъ 4-го юла наше отрядъ выступилъ съ ханикайской позиціи двумя колоннами. Въ первой колоннѣ шли стрѣлковые 4 батальона, дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ казачьихъ баттарей и пластуновъ; въ лѣвой вся кавалерія съ конно-артиллерійской баттареей. У ханикайского прохода оставление были дѣлъ дружинъ болгар, дѣлъ горныхъ баттарей и полкъ казаковъ. Я присоединился къ конно-штурмовому дивизіону, который шелъ въ авангардѣ правой колонны.

Заки встрепенулись и подались назадъ, "Отступай тихо, отстрѣливайся!" — крикнулъ Розенъ, по казаки и не думали отстрѣливаться, а отступали довольно поспѣшно. Я взялъ свою лошадь у державшаго ее казака и хотѣлъ уже сѣсть на нее; но съ нею сѣдалось что-то необыкновенное, она ржалъ, верглась и подпрыгнула на дыбы, таща меня за собой въ поводьяхъ. Въ рѣбѣ съ нею сильно уломила меза; въ это время бинокль мой выскоцилъ изъ незастегнутаго футляра, и хотѣлъ наклониться, чтобы поднять его и не удержалъ — выпустилъ подъ лошадь рванулъ и помчалась прямо на отрядъ, а я остался одинъ передъ турками, и притомъ въ бѣлой бѣзѣ и белой шапкѣ. Они и занялись специальнѣ мною. Оглизнулся назадъ — конно-штурмовой дивизіонъ далеко и заставили съюзниковъ лишь грудныхъ дѣтей и заставили все кинулось безъ оглядки бѣжать. Такимъ образомъ родители были разлучены съ детьми, жузы съ женами, браты съ сестрами и никто не оказалъ другу другу помощи. Нѣкоторые имѣли мужество взяться за оружие, но у большинства не хватило такой решимости. Многіе, можетъ быть, избѣжали бы рѣзни, если бы оказано было какое либо правильное сопротивление; но такъ какъ все обратились въ беспорядочное бѣгство, то сопротивление отдельныхъ лицъ могло лишь вызвать ярость врага. Въ то время какъ съ одной стороны казаки дрались съ чечесами и старались прикрыть отступление болгар, съ другой стороны ворвались въ городъ башни-бузаки и окружили жителей прежде, чѣмъ они успѣли спастись. Кровожадность башни-бузаковъ не знала предѣловъ: мужчины, женщины, дети — все пали отъ нихъ пуль и ястаганъ; одни отрубали голову, другие разрывали живыты. Башни-бузаки занимались не только убийствомъ, но и грабежомъ: они разрывали позы убитыхъ и если не находили тамъ денегъ, то набрасывались съ новой яростью на трупы. Однажды учителъ бѣжалъ изъ города, держа въ рукахъ своего ребенка Черкесъ съ дваждыюю звонкою звѣздой на груди ребенка, а отца пустилъ бѣжать далѣе. Несчастный прибылъ сюда въ состояніи блѣдомъ къ умопомѣшательству. Во времена происходившей на улицахъ рѣзни вдругъ раздался колокольный звонъ. Многіе, покинувшие уже городъ и находившіеся на большой дорогѣ, не занятой турками, вообразили, что колокольный звонъ означаетъ побѣду русскихъ и изгнаніе неприятеля. Они приставились бѣжать и направились къ городу. Но какое ужасное разочарование! Башни-бузаки заняли церкви и начали звонить, жалѣя устроить бѣглакамъ ловуш

